

УДК 330.837.2

В.Д. Дрозд, С.Ф. Быконя

МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В СВЕТЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Раскрыты вопросы влияния институтов на экономический рост. Рассмотрены некоторые модели экономического роста с позиций неинституциональной теории.

The aspects of the institutions role in the economical growth are exposed. Some models of the economical growth are examin as for position of neoinstitutional theory.

Ключові слова: економічне зростання, моделі, неінституціональна теорія, чинники зростання.

Современное состояние управленческих и экономических знаний таково, что они как будто слабо связаны друг с другом, и многие экономические теории не позволяют дать убедительные рекомендации в плане управления сложившимися хозяйственными системами. Проводимые реформы в Украине убеждают, что активизация восстановительного развития экономики, провозглашенная в таком важном документе,

как «Новый курс: реформы в Україні. Національна доповідь» [1], за более чем двух-летний период не происходит по причине неумелого управления развитием институциональной среды. Вот почему сегодня для Украины является актуальным рассмотрение экономического роста во взаимосвязи с институциональной теорией и практикой институциональных изменений.

Вопрос о роли институтов в экономическом росте тесно связан с вопросами институциональной динамики и, в частности, происхождения институтов. Относительно происхождения институтов имеются две точки зрения. Согласно первой из них, институты целенаправленно проектируются и вводятся сообществами, согласно второй — они являются результатом игрового равновесия, компромисса сторон. Соответственно, имеются и два подхода к вопросу о возможности изменения институтов — их можно назвать регуляционным и эволюционным.

В данном научном направлении активно работают такие ученые стран СНГ, как: Гриценко А.А., Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., — а также западных стран: Истерли В., Кауфман Д., Левин Р., Норт Д., Родрик Д., Сакс Джеффри, Собраманиан А., Требби Ф., Шляйфер А. [см. 3–16]. Мы также разделяем точку зрения В.Д. Матвеевко [2], которая состоит в том, что в большинстве случаев институты являются результатом как целенаправленного выбора, так и компромисса одновременно, потому они всегда имеют эволюционный адаптивный компонент. Например, законодательство является результатом целенаправленной проектной деятельности законодателей, однако, поскольку последние отстаивают интересы противодействующих групп, законодательство в той или иной степени является результатом компромисса.

На сегодняшний день остается немало пробелов в изучении управления институциональными реформами и экономическим ростом.

Целью статьи является изучение влияния институтов на экономический рост и в этой связи рассмотрение моделей роста.

Внимание к институтам как фактору экономического роста стало привлекаться благодаря развитию неинституциональной теории или так называемой новой институциональной экономики, основы которой были заложены Д. Нормом. В работе Д. Норта и Р. Томаса [7] был представлен критический анализ доминировавшего в то время взгляда на институты как на побочный эндогенный продукт процесса экономического роста и на инвестиции в основной капитал как на фундаментальный фактор роста. Выдвигалась альтернативная гипотеза, согласно которой *межстрановые различия в темпах роста объясняются институциональными различиями (т.е. инновации, эффект масштаба, образование, инвестиции и т.д. являются не факторами роста, а самим ростом)*.

За прошедший с момента публикации работы Д. Норта и Р. Томаса период их гипотеза подвергалась проверке со стороны целого ряда известных исследователей экономического роста. После этого институциональный подход был признан неотъемлемой частью экономической теории, о чем, в частности, свидетельствует присуждение Д. Норту в 1993 г. Нобелевской премии по экономике за достижения в области институционального анализа.

Один из основных подходов к исследованию влияния институтов на экономический рост — эконометрический. Однако необходимо отметить, что эконометрические исследования, которые проводятся по большим выборкам стран и в которых в числе

объясняющих переменных фигурируют те или иные характеристики институтов, пока вызывают серьезную критику.

Во-первых, в этих работах используются, как правило, агрегированные характеристики (индексы политического риска, демократии, коррупции, свободы СМИ, прав собственности и т.п.), каждая из которых относится не к одному, а к нескольким — формальным и неформальным, политическим и экономическим институтам, и механизм взаимовлияния институтов и экономики не раскрывается.

Во-вторых, даже «одноименные» институты могут качественно различаться между странами, что делает не вполне корректным их количественное сравнение. Можно говорить о свободе СМИ во Франции, в России, в Украине, в Анголе и в Корее, но формы соответствующих институтов будут разными, и сравнение их по каким-либо количественным показателям не будет вполне корректным.

Другой используемый на сегодняшний день подход к исследованию влияния институтов на экономический рост состоит в построении моделей роста, учитывающих те или иные отдельные конкретные институты [11].

Характерной чертой современного этапа развития экономической науки является ее математизация, которая проявляется в выражении изучаемого экономического процесса адекватной математической моделью и последующем исследовании свойств этой модели либо аналитическими методами, либо на основе проведения вычислительных экспериментов.

Одним из традиционных подходов к прогнозированию развития экономических процессов служит изучение смещения точки равновесия динамической системы, вызванного изменением тех или иных параметров модели. Такой (квазистационарный) подход опирается на ключевую концепцию классической политэкономии — «невидимую руку» А. Смита. Как известно, эта концепция опирается на гипотезу о существовании на конкурентных рынках автоматического равновесного механизма. Отметим, что такой подход является эффективным лишь до поры до времени, пока, в силу некоторых причин, характер стационарного состояния не изменится кардинальным образом. Подобные изменения, называемые бифуркациями, принадлежат уже к области приложений методов нелинейного динамического анализа, развитие которого приводит ко все большему распространению такой точки зрения: «Мир — это постоянное развитие, вечная неустойчивость, а периоды стабилизации — лишь краткие остановки на этом пути», т.е. к синергетической экономике. Синергетическая экономика не предполагает следование какой-либо особой школе в рамках существующих экономических учений. В каждой теории она находит преимущества и недостатки. Важно понимать, при каких примерно условиях применимы результаты каждой из экономических теорий [10].

Хотя не вызывает сомнений факт, что представления инвесторов о качестве национального институционального поля непосредственно коррелируют с размерами осуществляемых ими инвестиций, пока остаются до конца не выясненными механизмы и инструменты, обеспечивающие эффективное изменение инвестиционных представлений и ожиданий. При этом проведение институциональных реформ является сложным и длительным процессом. За прошедшее столетие неоднократно предпринимались попытки трансплантации институтов развитых стран в развивающиеся экономики, но лишь в ограниченном числе случаев они оказались успешными. В работе Д. Берковица и

др. [5] анализировался опыт модернизации правовых систем на примере 39 стран. Авторы признают итоги реформирования удовлетворительными лишь в 6 случаях (эти успешные страны — Япония, Италия, Голландия, Израиль, Аргентина и Чили) и отмечают, что главным фактором успеха институционального импорта являлась возможность адаптации вводимых норм к местным условиям и исторически сформировавшимся традициям, среди которых особое место занимает сложившаяся практика правоприменения.

Д. Асемоглу [16] отмечает сложность институциональных преобразований и, развивая взгляды Р. Коуза, указывает на трудность реформирования распределительных отношений. Например, на активное противодействие чиновников, заинтересованных в поддержании *status quo* для сохранения неэффективных, с точки зрения бизнеса и остального населения страны, институтов, которые позволяют им извлекать ренту из своего официального положения. Таким образом, чем больше в обществе распространена коррупция, тем сложнее реформировать правовые и прочие критические для долгосрочного развития институты. Является общепризнанным тот факт, что в начальный период реформирования командно-административных экономик роль институциональных факторов была существенно недооценена. Наиболее популярные рецепты перехода к рыночной экономике придавали основное значение более традиционным изменениям в области экономической либерализации, стабилизации и приватизации. Именно поэтому на первых этапах анализа послереформенной экономической динамики внимание в основном уделялось вопросу относительной важности структурных факторов (начальные условия) и особенностей национальной экономической политики (структурные преобразования, стабилизация и либерализация).

Начавшийся в конце 80-х гг. XX ст. процесс преобразований в странах Восточной Европы характеризовался не только переходом от командной к рыночной экономике (трансформация экономических институтов), но и переходом от авторитарных и тоталитарных политических режимов к демократическим (трансформация политических институтов). Экономическая теория не дает ясного ответа на вопрос, способствует ли политическая либерализация экономическому развитию во время трансформационного периода. В теоретической литературе приводится несколько аргументов в пользу того, что авторитарное правление может способствовать экономическим преобразованиям в первые годы трансформации.

Во-первых, это может быть связано с трудностями одновременного осуществления экономических и политических реформ. Проблема состоит в том, что переход от авторитарной системы к демократической неизбежно приводит к ослаблению государственной власти в стране, в результате чего ослабляется контроль за собираемостью налогов и исполнением законов. В этом случае государство сталкивается с риском утери общего контроля над ситуацией и не может гарантировать соблюдения законов и правил, которые необходимы для функционирования новой экономической системы. Привлекательным вариантом было бы проведение трансформации законодательства (и институтов вообще) авторитарным правительством, установление новых *экономических* институтов в рамках старой политической системы и последующая передача власти демократическому правительству вместе с формированием новых *политических* институтов. Чили является хорошо известным примером страны, в которой радикальные экономические преобразования были осуществлены авторитарным режи-

мом, который со временем передал власть демократическому правительству. То же самое можно сказать и про Корею, Тайвань, Сингапур. В Китае и Вьетнаме демократизации пока не произошло, уровень экономического развития невысок, однако некоторые экономические институты уже развиты достаточно сильно, чтобы ожидать продолжения экономического роста и последующих политических изменений.

Во-вторых, при демократическом режиме избиратели могут не поддержать экономические реформы, даже если они принесут долгосрочные выгоды для большинства голосующих. Неопределенность результатов реформ приводит к тому, что для отдельного избирателя риски настолько высоки, что он лично может предпочесть не поддерживать их проведение, хотя для большинства населения долгосрочный результат реформ будет положительным (в равновесии Нэша большинством *ex ante* будет принято решение голосовать против реформ, хотя *ex post* реформа была бы одобрена).

Одна из идей, окончательно оформившихся в экономической теории к концу XX в., состоит в том, что тенденции эволюционного социально-экономического развития общества определяются не столько соображениями текущей выгоды тех или иных групп или индивидов, сколько общественными институтами — закрепленными в сознании и в организационных формах устойчивыми традициями и нормами, соответствующими ментальным особенностям населения [17].

Достижение выгоды для влиятельных групп способно на некоторое время изменить траекторию движения, однако впоследствии она возвращается к избранному однажды образу [2].

Объяснению проблемы экономического роста (развития) посвящено несколько основополагающих подходов, которые классифицируются, в частности [12], согласно следующим магистральным направлениям экономической науки: кейнсианский (Р. Нурксе, Р. Пребиш), неоклассический (У. Льюис, Р. Солоу, Р. Лукас) [21, 22], неоинституциональный (Д. Норт), старый институциональный (Г. Мюрдаль, Т. Шульц, С. Кузнец), экономики благосостояния (А. Сен) [18].

В моделях экономического развития кейнсианского типа (теориях «порочного круга нищеты», «большого скачка», «модели с двумя дефицитами») решается главная проблема — преодоления экономической отсталости страны посредством мобилизационной стратегии, сводимой по существу к замене внешних источников финансирования внутренними, импортозамещению, концентрации внутренних инвестиций для обеспечения высоких («прорывных») темпов роста.

Неоклассический подход [19] рассматривал экономическое развитие как преодоление отсталости вследствие дуалистичности экономики и существующих диспропорций в межсекторных экономических связях. Совершенствование моделей происходило по линии включения фактора «технологии», «человеческого капитала», «рациональных ожиданий», оценок вклада образования, медицины, экологии в экономический рост и преодоление отсталости. Оба описанных подхода касаются исключительно макроэкономических проблем развития и предлагают мероприятия макроэкономической политики в аспекте кредитно-денежной или фискальной политики, направленные на активизацию инвестиций, стимулирование внутреннего спроса, решение технико-экономических проблем, проведение структурных изменений, охватывающих национальное хозяйство в целом. Неоклассические модели, в отличие от кейнсианского подхода, рассматривают задачу в структурном представлении, вводя двух-

или трехсекторную модель экономики, и ставят задачу модернизации, перелива ресурсов из одного сектора в другой. Современные неоклассические модели развития учитывают технологию, человеческий капитал и связанные с ними институты, но включают их в качестве параметров в измененные производственные функции, которые использовались в модели Р. Солоу [20].

Таким образом, нами раскрыты вопросы влияния институтов на экономический рост и рассмотрены модели экономического роста с позиций неонституциональной теории, что позволило сделать следующие выводы:

1. В настоящее время имеется не очень большое, но быстро увеличивающееся число эмпирических исследований по влиянию институтов на экономический рост в странах с переходной экономикой. Практически во всех из них исследователям удается обнаружить положительную и статистически значимую взаимосвязь между состоянием национальных институтов и темпами экономического роста.

2. Вопрос о роли институтов в экономическом росте тесно связан с вопросами институциональной динамики и, в частности, происхождения институтов. Относительно происхождения институтов имеются две точки зрения. Согласно первой из них, институты целенаправленно проектируются и вводятся сообществами, согласно второй — они являются результатом игрового равновесия, компромисса сторон.

1. Програма економічних реформ [Електронний ресурс]. — Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/content/ker-program.html?PrintVersion>. — 02.06.2010; 2. *Матвеев В.Д.* Модернизация институтов — условие устойчивого экономического роста в России / В.Д. Матвеев // Журнал институциональных исследований. — 2010. — Т. 2., № 1. — С. 84–99; 3. *Клейнер Г.Б.* Модернизация экономики и «выращивание» институтов: взгляд «снизу» / Г.Б. Клейнер // Модернизация экономики и выращивание институтов / отв. ред. Е.Г. Ясин. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — Кн. 1. — С. 370–379; 4. *Левин С.Н.* Альтернативы институционального развития развивающихся и постсоциалистических стран: мифологема «постиндустриализма» и «глобализма» и реальные тенденции / С.Н. Левин // Журнал институциональных исследований. — 2010. — Т. 2., № 1. — С. 6–16; 5. *Berkowitz D.* The Transplant Effect / D. Berkowitz, K. Pistor, J.-F. Richard // The American Journal of Comparative Law. — 2003. — Vol. 51, №. 1; 6. *Клейнер Г.Б.* Институциональные изменения: проектирование, селекция или протезирование? / Г.Б. Клейнер // Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. — Донецк: «Каштан», 2005. — С. 408–433; 7. *North D.* The Rise of the Western World: A New Economic History / D. North, R.P. Thomas // Cambridge: Cambridge University Press. — 1973. — 61 p.; 8. Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований: научное издание / под ред. д-ра экон. наук А.А. Гриценко. — Х.: Форт, 2008. — 928 с.; 9. *Тамбовцев В.Л.* Институциональный рынок как механизм институциональных изменений / В.Л. Тамбовцев // Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева, В.В. Дементьева. — Донецк: «Каштан», 2005. — С. 162–184; 10. *Тамбовцев В.Л.* Траектории институциональных изменений: теория и российские реалии / В.Л. Тамбовцев // Модернизация экономики и выращивание институтов / отв. ред. Е.Г. Ясин. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. — Кн. 1. — С. 300–310; 11. *Rodrik D.* In Search of Prosperity: Analytical Narratives on Economic Growth / D. Rodrik. — Princeton University Press, 2003; 12. *Shleifer A.* Do Institutions Cause Growth? / A. Shleifer, E. Glaeser, R. La Porta, F. Lopez-de-Silanes // Journal of Economic Growth. — 2004. — 9:271-303; 13. *Gallup J.* Geography and Economic Development / J. Gallup, J. Sachs, A. Mellinger // International Regional Science Review. — 1999. — Vol. 22. — P. 179–232; 14. *East-erly W.* Tropics, Germs, and Crops: the role of endowments in economic development / W. East-

erly, R. Levine // *Journal of Monetary Economics*. — 2003. — 50:1; 15. *Rodrik D.* Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic Development / D. Rodrik, A. Subramanian, F. Trebbi. — NBER Working Paper №. 9305, 2002; 16. *Kaufmann D.* Aggregating Governance Indicators. *World Bank Research Working* / D. Kaufmann, A. Kraay, P. Zoido-Lobaton. — 1999; 17. *Асемоглу Д.* Институты как фундаментальная причина долгосрочного экономического роста [Электронный ресурс] / Д. Асемоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон. — Режим доступа: <http://research.by/rus/ecowest/archive/2006/1/>. — 26.05.2010; 18. *Braudel F.* *Civilization and Capitalism, 15th-18th Century* / F. Braudel. — London: Collins, 1981–1984. — 3 volumes; 19. *Nurkse R.* *Equilibrium and Growth in the World Economy* / R. Nurkse. — Cambridge, 1961; 20. *Leibenstein H.* *Economic Backwardness and Economic Growth Studies in the Theory of Economic Development* / H. Leibenstein. — N.Y., 1957; 21. *Lewis A.W.* *The Roots of the Development Theory* / A.W. Lewis // *Handbook of Development Economics*. — Amsterdam, 1993. — Vol. 1. — 3rd. ed. — P. 27-37; 22. *Solow R.* *A Contribution to the Theory of Economic Growth* / R. Solow // *Quarterly Journal of Economics*. — 1956. — February. — P. 65–94.